

Алексей Козис

Итоги – 1

ISBN-13:

УДК: 1751

Независимое издательство

Москва 2025

От автора

Некоторое время назад я подготовил несколько очерков, посвященных впечатлениям моей церковной жизни. Каждый очерк был посвящён какому-нибудь одному месту, в котором я провёл достаточно много времени. Я вспоминал храм, или церковное учебное заведение, которое я посещал в течение нескольких лет, и с достаточной степенью подробности его описывал. Так родились эти картины, которые с определённой степенью уверенности можно назвать достоверными свидетельствами о нашей современной церковной жизни.

Честно говоря, я думал, что этого достаточно. Я вовсе не собирался ещё что-то писать. И, тем не менее, меня мучило чувство какой-то незавершённости. Этой серии очерков чего-то явно не хватало. Не хватало именно некоторого "итога", "общего взгляда", обобщения полученных впечатлений, которое бы сделало их законченными и цельными. В самом деле, при всей своей подробности и искренности, они оставались всё же достаточно разрозненными и фрагментарными. Я сделал это отчасти специально — мне хотелось, чтобы в центре их был не я, т.е. не тот человек, который всё это собой объединяет, а именно те церковные места, которые в них описаны. Но пришло время, видимо, как-то всё это объединить и придать этому какое-то завершение.

Именно поэтому я и предпринимаю этот, последний очерк. В нём уже будет мало подробных описаний конкретных мест и конкретных встреченных мною людей. Зато будет больше размышлений, осмысления разных сторон церковной жизни, того положения, в котором находится наша Церковь в наше время. Одновременно я бы хотел "наверстать" упущенное раньше, и привести здесь некоторые более фрагментарные, эпизодические впечатления, которые я не захотел описывать прежде — именно из-за их фрагментарности и эпизодичности. Из-за этого, как ни странно, этот, последний очерк может оказаться интереснее прежних, поскольку в нём будет дана более широкая и разнообразная картина церковной жизни, не ограниченная каким-либо конкретным местом. Надеюсь, что мне удастся осуществить здесь обзор самых разных тем. Платой за это, как я уже сказал, будет некоторая эпизодичность и фрагментарность.

Ну что же, я думаю, мне пора начать. Впрочем, я уже и начал — на момент создания этого предисловия часть этого очерка уже была написана. Иначе бы я не стал сочинять эти вступительные слова, если бы не видел, что что-то у меня, кажется, получается. Из-за этого содержание первой главки может в какой-то степени дублировать предисловие — ведь первоначально вступительной была она. Не знаю в точности, как у меня здесь всё сложится. Надеюсь, что это завершение моих церковных очерков будет в какой-то степени удачным.

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	4
ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ	7
ЧЕРТЫ НАШЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ	11
БЕДНЫЙ ПРИХОД. СВЯЩЕННИК.....	17
БЕДНЫЙ ПРИХОД. МИРЯНЕ	23
ИЗВЕСТНАЯ ОБЩИНА.....	30
ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ	35
ДРУГИЕ СООБЩЕСТВА	41
ХРАМ В ПАРКЕ.....	52
ОПТИНСКОЕ ПОДВОРЬЕ	58
ЦЕРКОВЬ И ГОРОД	73
ЗАКРЫТАЯ ТЕРРИТОРИЯ	78
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	87
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ.....	104

ВСТУПЛЕНИЕ

В течение нескольких лет я записывал наиболее яркие впечатления моей церковной жизни. Я выбирал места и обстановку, с которыми я был прочно связан, в которых (в каждом из этих мест) я провёл по несколько лет. Надеюсь, что это добавило достоверности моим наблюдениям. Одно дело, когда какую-то обстановку описывает случайный гость, "проезжий" — в этом случае его описания неизбежно будут носить характер достаточно поверхностных "путевых впечатлений". Совсем другое — если человек, "погружённый" в эту обстановку, "включённый" в неё, равнодушный к ней — в этом случае есть надежда, что его описания будут достоверными, и что он в какой-то степени сможет понять суть того, что происходит. Именно такие места я и выбирал. Даже в тех случаях, когда я, в общем-то, можно сказать, был в них "гостем" (как, например, в том подмосковном селе, где существовало "братство трезвости" для людей трудной судьбы, или в том "храме на набережной", куда я просто приезжал, не принимая в его жизни особого участия) я всё-таки имею ту опору, что приезжал в эти места регулярно в течение нескольких лет. Тем более в других случаях — в описании нашей с отцом дьяконом воскресной школы, которую мы с такими усилиями создавали при одном из храмов, моей учёбы на Богословских Курсах, а также моих посещений собраний одной общины, которая впоследствии создала для нашей Церкви столько проблем. Все эти дела так или иначе имеют отношение к деятельности церковного просвещения, и во всех них я непосредственно участвовал — в качестве простого учащегося, или, впоследствии, в качестве некоторого "деятеля", организатора.

Однако все эти очерки имели своим предметом конкретное место, конкретную обстановку, и не выходили почти за их рамки. В этом отразились мои представления о том, как вообще надо писать. Видите ли, я не из тех людей, которые считают, что надо писать "обо всём на свете", и во всё, что вы ни пишете, пытаться вложить какую-то непостижимую глубину. Достаточно, по-моему, конкретной обстановки, конкретного места, конкретных проблем, обычных, вполне человеческих мыслей, которые приходят по ходу рассказа. Так просто устроено человеческое сознание. Мы воспринимаем реальность не иначе, как через конкретные события, конкретную обстановку. По-другому просто не бывает. Потом уже могут родиться и более глубокие мысли, и обобщения, главное же всегда — "фактический материал".

Ведь и главные книги нашей веры — Евангелия и Деяния Апостолов — посвящены, в сущности, просто изложению фактов. Мы не узнаём из

них никаких сложных идей, кроме того, что Христос (или кто-нибудь из Апостолов) куда-то пришёл, что-то сделал или что-то сказал. Потом уже в истории Церкви родились множество размышлений, и поучений, и советов, и мнений на самые разные темы, и мы узнаём в них что-то родное, они, в общем-то, близки нам. Но главное всегда — это просто рассказ о конкретных событиях. На этом просто основана вера. И так же и в наши дни — самым ценным является просто рассказ конкретного человека о том, что он что-то видел, пережил, испытал. Потом уже из этого родятся какие-то выводы, обобщения, какие-то исторические или богословские идеи. Но главным всегда является конкретный человек, очевидец, и некоторые первые попытки осмысления им увиденной реальности. При этом описывать и осмысливать он должен в первую очередь именно эту реальность (в данном случае — Церковь), а не себя. Именно тогда он привлечёт внимание людей к этой реальности, а не к себе. Именно так я и стараюсь поступать.

Но, кажется, Бог даёт мне ещё некоторое время, чтобы не ограничиться просто "фактическим материалом" и самым первым его осмыслением, но попытаться подняться на следующую, вторую "ступень" его осмысления. Именно, я задумал последний, ещё один очерк, в котором уже постараюсь не столько описывать конкретные факты, сколько попробовать окинуть единым взглядом всё написанное, а заодно и всё связанное с этим время, начиная с 1990-х годов. Дело в том, что само это время — включая 1990-е годы и по наши дни — в нашей церковной жизни в каком-то смысле особенное. Мы застали *возвращение* веры в нашу жизнь — в то время как, судя по окружающей обстановке, ей в этой жизни просто неоткуда было взяться. Мы узнали, что вера когда-то играла заметную роль в жизни нашего общества, но потом наступил особый период длиной в несколько десятилетий (т.н. "советский" период), когда вера была начисто исключена из общественной жизни целой огромной страны, так что обычному человеку совершенно невозможно было о ней что-нибудь услышать. Согласитесь, в масштабах всего мира и истории такое, наверное, бывает нечасто. И вот после этого в обществе снова возникли новые силы, появились новые духовные интересы — и произошло возвращение к вере, такое мощное и масштабное, как будто плотину прорвало.

Я, как человек, родившийся во второй половине XX века, не могу судить о *смысле* столь масштабных исторических событий. Те объяснения, которые предлагали люди старшего поколения, пережившие это отступление от веры — что *большой* частью общества овладели злые силы, или злые духи, и вот эти люди, как свиньи, обратились и растерзали свои собственные святыни и своих собственных братьев по вере — представляется в каком-то смысле верным, но недостаточным. В первую

очередь потому, что верующие, живущие глубокой духовной жизнью люди стали бы в первую очередь искать причину столь серьёзных духовных событий в самих себе. Но этого-то трезвого, глубокого отношения к самим себе в них не было. Везде они выглядели невинно пострадавшими, ограбленными и лишёнными своих прав, требующими восстановления справедливости, наказания обидчиков (т.е. людей не близких им взглядов) — и при этом, как оказалось, им вовсе нечего было сказать нам, людям, идущим вслед за ними, ждущим от них живой проповеди и живого слова о Христе — они лишь требовали отмщения, реабилитации своих пострадавших братьев и возвращения им тех зданий и помещений, которые, как они считали, у них несправедливо "отняли".

Итак, окончательный, глубинный смысл этих масштабных событий, произошедших в России в течение XX века, от меня ускользает. Возможно, отдельный ограниченный человек, живущий свою короткую ограниченную жизнь, и вовсе не способен судить о таких вещах. Но я всё же могу высказать некоторые отдельные частные мысли о некоторых отдельных частных вопросах, преимущественно, касающихся нашего времени — т.е. времени, которое я застал. Кроме того — ведь время это не закончилось, оно и теперь продолжается. Мы, современные люди, с интересом вглядываемся в будущее, пытаемся различить в нём, что же нас ждёт. И вот с этой точки зрения могут быть интересны подобные воспоминания и размышления о недавнем периоде нашей жизни — последних примерно 35 лет — они могут в какой-то степени дать нам представление о направлении нашего движения, открыть в нашей жизни закономерности, в какой-то степени "открыть нам будущее".

Вот с этой целью и начинаю этот, последний очерк. В нём я буду с большей охотой высказывать некоторые "общие мысли", касающиеся всего, что я прежде написал, и вообще всего нашего времени. В то же время я по-прежнему намерен твёрдо стоять на почве фактов. Не знаю, может быть, и существует человек, который сразу может начать рассказывать "об идеях" — и в силу какого-то общего закона, согласно которому люди, в общем-то, думают об одном и том же, его размышления вызовут некоторый интерес и сочувствие у некоторого числа людей — но я так не могу. Мне в данном случае нужно твёрдо стоять на почве реальности. Потом уже, может быть, удастся и о чём-то поразмышлять, найти в изображаемом какие-то связи, внутренние причины, попытаться как-то всё это осмыслить — но идти нужно всегда от реальных фактов. Иначе я просто не смогу. Попутно, основываясь на этом, попробую коснуться здесь и тем, которых я вовсе не затрагивал в моих прежних очерках, описать жизненные впечатления, которые в них не вошли. Попытаюсь поразмышлять здесь и о более общих вопросах — о Боге, о мире, о Церкви, о человеке, о его внутренней жизни. Но всегда, касаясь

самых разных вопросов, постараюсь знать меру, чтобы эти, в общем-то, вполне реальные жизненные впечатления не оказались слишком абстрактными. В самом деле, ни перед каким реальным человеком не может стоять задача объяснить *всё*. Он — лишь отдельная личность, представитель своего времени, и любая его внутренняя работа всегда имеет в себе черты субъективного и личного. Он — лишь один из великого множества людей, которые вместе, общими усилиями познают реальность. А потому единственное, что он может — это как можно более ясно и объективно, насколько только это в его силах, описать то, что он видел и пережил, чтобы дать некоторую пищу для размышлений другим. Тогда, может быть, мы все вместе, общими усилиями что-то лучше поймём. А пытаться «расставить все точки над *i*» — это поистине невозможное занятие, не свойственное человеку по природе. Именно этого я и не буду пытаться здесь делать. Просто опишу ещё некоторые мои жизненные впечатления, внутренне представляя себе, что существует некоторый круг людей, которые воспринимают и осмысливают мир примерно так же, как и я.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Итак, первое, что меня интересует — это наше сравнительно недавнее время. То самое, когда рухнул вдруг "заслон", выставляемый прежде уже привычной и казавшейся вечной советской властью, и Церковь получила вдруг возможность свободного развития. Мы с вами прекрасно помним то время — эти сотни возрождавшихся храмов, и десятки тысяч потянувшихся вдруг к вере людей, и множество появившихся вдруг церковных книг, и известных священников, выступавших с просветительскими беседами и лекциями, и паломнические поездки, и открывавшиеся духовные учебные заведения — всё свидетельствовало о том, что в обществе действительно что-то изменилось, и в сознании людей произошёл поворот в новую, *духовную* сторону. Даже множество иностранных миссионеров, наводнивших тогда Москву, свидетельствовали всё о том же — проводя свои многотысячные собрания и раздавая на улицах Библию, они по-своему, со своих позиций напоминали нам, что наша многомиллионная страна, занимавшая тогда одну шестую часть суши, со всех точек зрения, "засиделась" без Христа. Поистине, в обществе тогда подул какой-то свежий ветер, открывались какие-то новые возможности. Согласитесь, что такие ситуации бывают в

истории не часто. Чтобы целая огромная страна была на несколько десятилетий отторгнута от веры, так что и верующих почти не осталось, а потом вдруг пережила массовое и серьёзное обращение к вере — такое, пожалуй, и во всей мировой истории не так-то легко вспомнить.

Разумеется, это обращение, или возвращение имело свою предысторию и свои причины. Во-первых, эти причины были в общественной жизни. К тому времени коммунистическая идеология уже заметно "выдохлась"; люди уже не связывали с ней никаких реальных надежд и следовали ей, в значительной степени, по привычке; я сам прекрасно помню, что эти идеи не значили для нас ничего важного, мы повторяли их просто потому, что "все так говорят". Во-вторых, причины могли быть связаны с психологией отдельных людей. Были, были, несомненно, люди (хотя, конечно, их могло быть меньшинство), которые чувствовали реальную тоску в атмосфере окружающего материализма, которым она буквально не давала дышать, которые чувствовали её недостаточность и желали чего-то большего. В них подспудно, быть может бессознательно, зрело стремление к чему-то нематериальному, невидимому, высшему. Это было, на самом деле, естественное стремление, заложенное Богом в человека. Я сам прекрасно помню то чувство освобождения, выхода на простор, обретения нового смысла жизни, связанного с моим тогдашним приходом к вере. В свинцовом сумраке окружающих безрадостных будней будто пахнуло свежим ветром, будто зажегся новый свет. Такого не могла дать нам окружавшая советская действительность, такое могла дать нам только Церковь.

В-третьих, некоторые причины можно было усмотреть в самой Церкви. К тому времени гнёт государства ослаб, и в ней совершенно явно было заметно некоторое оживление, происходили какие-то процессы, зрели новые силы, которые и осуществили впоследствии наше церковное возрождение. Церковь внутренне, подспудно готовилась к предстоящему изменению обстановки. Впрочем, все эти причины, которые я назвал, были на самом деле связаны и представляли собой, по сути, одну причину. Церковь вовсе не представляет собой "замкнутую систему", отгороженную от окружающей реальной жизни и живущую от неё совершенно отдельно. Она состоит из тех же людей, не удовлетворённых чисто земной, материальной жизнью, и ищущих чего-то духовного, высшего. К тому времени советское общество вступило в полосу кризиса, в нём ощущались настроения неудовлетворённости. Сотни тысяч людей искали входа в новых, духовных сферах, и, в первую очередь, в Церкви. И, соответственно этому, и в Церкви, постепенно наполнявшейся новыми людьми, происходили процессы оживления, она готовилась к тому, чтобы играть более заметную роль в обществе.

Хорошо помню время этого первого оживления. Открывались новые

храмы, они наполнялись новыми людьми. Люди эти были самые разные — в храмах того времени можно было встретить кого угодно, лишь бы этот человек обрёл веру, пришёл в Церковь. Здесь были представители всех слоёв общества. Академик мог встретить дворника, бывший уголовник — вполне культурного и добропорядочного человека. И что самое главное, на это почти не обращали внимания. Люди знакомились, узнавая друг в друге братьев во Христе, между ними складывались особые, *духовные*, быть может, не всегда простые и стройные отношения. Над всем возвышалось и царило сознание, что их объединил храм, что они вместе, несмотря на все различия, их разделяющие — дети Отца Небесного.

Такого не бывает в обычной жизни. В обществе всё же существует разделение и сословия, так что человек буквально в течение всей своей жизни, в основном, общается с представителями своего социального круга, своего "слоя". Если вы, например, в юности поступили в теоретический институт, то весьма велика вероятность, что всю свою последующую жизнь вы, в основном, будете общаться с научными работниками. Других людей вы просто будете встречать на улице, но у вас не будет повода, а главное, достаточных внутренних сил с ними познакомиться, и вы так никогда и не будете знать, как они живут. Человек "обречён", в основном, всю свою жизнь находиться "внутри" своего социального слоя.

Здесь же это правило самым явным образом рушилось, и все "перегородки" обычной социальной жизни буквально "трещали по швам". Всё перекрывало более глубокое сознание, что нас объединила здесь вера в Иисуса Христа и Отца Небесного, и что любые разделения обычной жизни уже не имеют над нами власти. Это создавало совершенно особую атмосферу в храмах того времени (а может быть, и всегда ощущается в православных храмах), и это было одним из моментов, которые привлекали сюда, в очередной раз убеждая в высоте и истинности Христианского учения, и, в частности, Православия.

Здесь, кстати, нужно сделать одно отступление. Замечательно, что у нас есть православные храмы, в которых рушатся все социальные перегородки, и в которых могут встречаться люди из самых разных социальных слоёв. Но это же может создавать и некоторые проблемы. Так, люди эти в конце концов могут выразить желание познакомиться — уже не как прихожане, а просто "по жизни". В этом случае, казалось бы, "упавшие перегородки" скоро вернутся вновь. Люди столкнутся с особенностями друг друга, к которым они не готовы, которые они не умеют преодолевать. Хорошо ещё, если встретятся "технарь" и "гуманитарием" — это ещё куда ни шло, они ещё смогут найти общий язык — а вот если, как я и предполагал, познакомятся бывший уголовник из "зоны" и вполне добропорядочный молодой человек из городской

среды?.. В этом случае у них через некоторое время непременно возникнут взаимные претензии. Вернувшийся из зоны человек будет недоумевать, почему его новый "брат во Христе" не живёт по законам зоны, и вообще, несмотря на евангельский закон взаимовыручки, как будто "вовсе ему и не друг"?.. У того тоже возникнут естественные претензии, почему с его новым другом и собеседником почти невозможно говорить, например, о Евангелии... Короче, выйдут одни недоразумения. Неизвестно ещё, чем дело кончится... И всё из-за того, что в храме встретились и познакомились два человека, пусть и объединённые общей верой, но совершенно разного образа жизни, из разных социальных слоёв.

Поэтому я обращаю здесь внимание на момент, который, может быть, многие не осознают и не замечают — что это важно, кто, как и на каких основаниях знакомится в храме, и как складываются их дальнейшие отношения. Этому в храмах нужно специально уделять внимание. Должны быть специальные постоянные встречи, на которых люди смогут знакомиться и общаться. Работы на территории храма должны быть стройно организованы, всегда должно быть известно, кто именно, как и с какой целью работает. Если люди всё-таки так или иначе (на беседах или просто на территории храма) познакомились, то должно быть известно, как именно им строить дальнейшее общение, на чём его основывать, что именно их объединяет, каких тем им следует избегать, чего им следует ждать друг от друга, а чего не следует. Я имею в виду не то, что должны быть какие-то "правила", написанные на бумаге, но что любое знакомство должно быть не случайным, не "спонтанным", но происходить в общине, среди других верующих людей, которые уже имеют к этому определённое отношение и уже имеют в этом определённый опыт. Священник, который, увлечшись "духовными" вопросами, целиком посвящает себя "духовному" служению, совершению служб, личному общению с прихожанами и совершенно упускает из внимания этот совершенно реальный, жизненный вопрос, боюсь, просто не осуществляет своего священнического назначения. Ему нужно несколько отвлечься от совершения тех таинственных вещей, которые никто из его прихожан до конца не понимает, и уделить внимание этим реальным вопросам, имеющим самое прямое отношение к их жизни. Тогда, может быть, мы наведём некоторый порядок в важнейшем вопросе общения и взаимных отношений людей, осуществляемых в Церкви, где, с одной стороны, людей объединяет высшая и окончательная Истина — а с другой, рухнули все социальные перегородки, которые в обычной жизни регулируют жизнь людей и в какой-то степени их защищают.